

Глава 22

Это был вентилятор!

Фу Чэн выбрался через отверстие от вентилятора!

Линь Цзао, обнимая Фу Чэна, поднял голову и молча смотрел на пустой проём в стене.

Он начал догадываться, предполагать.

Представлять, как действовал Фу Чэн.

Он встал на стол из нержавеющей стали.

Даже став зомби, даже утратив человеческие привычки, Фу Чэн помнил, что нельзя пачкать простыни, которые они с Сяобао так старательно стелили.

Поэтому он сбросил со стола постельное бельё.

Он лишь встал на стол, оставив на нём несколько серых, легко стираемых следов.

Он голыми руками выломал железный вентилятор.

Грабители были снаружи, Сяо Цзао был снаружи. Фу Чэн, сгорая от нетерпения, принялся ломать вентилятор. Рука соскользнула, и острое лезвие полоснуло его по руке.

Вот почему на его руке была такая глубокая и длинная рана, почти до кости.

Он с огромным трудом выломал вентилятор, оставив в стене дыру.

Он ухватился за края проёма и попытался выбраться.

Но проём был слишком мал, а он — слишком высок. Как бы он ни сгибался, он не мог пролезть.

Пришлось вывихнуть суставы, сломать левое плечо, чтобы уменьшить свои размеры.

Вот почему, когда он появился, его левая рука безжизненно висела вдоль тела.

Но вентилятор был выломан не полностью, остались острые края, о которые легко было

пораниться.

Вот почему на его плечах и руках было столько больших и маленьких ран.

И на груди — длинная рана от плеча до пояса.

Вот так.

Именно так Фу Чэн выбрался наружу.

Весь в ранах, он, едва оказавшись на земле, услышал крик Линь Цзао:

— Чэн-гэ!

Это его любимый Сяо Цзао, его самый любимый Сяо Цзао звал его!

Фу Чэн, забыв обо всём, даже о сломанном плече, бросился туда, откуда доносился голос.

Под покровом ночи он подбежал, набросился, полный ярости, и схватил Лысого за голову.

Он помнил этого человека, помнил слова «маленький ублюдок», помнил, как они несколько раз доводили Сяо Цзао до слёз.

Фу Чэн сжал голову в руке и потряс её.

Легче яйца, мягче глины, а внутри что-то плещется.

Стоит немного надавить, и она разлетится на куски.

Он так и собирался сделать.

Но тут послышался голос Сяо Цзао.

Сяо Цзао сказал, что ему страшно, что он хочет домой.

И он, послушавшись Сяо Цзао, отпустил Лысого, отшвырнув его в сторону.

Он слушается только Сяо Цзао, только перед Сяо Цзао он покорен.

В кладовке...

Свет лампочки и свет луны, одинаково яркие, заливали комнату.

Линь Цзао и Фу Чэн стояли друг против друга.

Один стоял, другой сидел.

Но Фу Чэн был таким высоким, что даже сидя доставал Линь Цзао до груди.

Линь Цзао, потрясённый, забыв обо всём, обхватил Фу Чэна за шею и плечи и крепко прижался к нему.

Представив себе всё, что он пережил, Линь Цзао побледнел, его глаза покраснели, и он, опустив голову, ещё крепче обнял Фу Чэна.

Ему было всё равно!

Всё равно, стал ли Чэн-гэ зомби до конца, всё равно, набросится ли он на него и укусит.

Он знал одно: у зомби тоже есть сердце.

И он видел сердце Чэн-гэ.

В его сердце были только он и Сяобао.

Он не брезговал, не боялся, совсем не боялся!

Линь Цзао, обнимая Фу Чэна, мелко дрожал.

Он опустил голову, и вдруг в глазах защипало, и по щекам покатились слёзы.

Фу Чэн сидел на кровати, покорно сжавшись, позволяя Линь Цзао делать с ним всё, что угодно.

Он тоже опустил голову, уткнувшись лицом в грудь Линь Цзао, и, сквозь армейское пальто, вдыхал сладкий запах его тела, ощущая знакомое тепло.

Вдруг на его шею упала тёплая капля.

Шея — самое уязвимое место у зомби, там находится спинной мозг.

Фу Чэн мгновенно насторожился, резко поднял голову, готовый к атаке.

Но, встретившись с заплаканными глазами Линь Цзао, тут же успокоился.

Это же Сяо Цзао.

Из глаз Сяо Цзао идёт дождь.

Фу Чэн отчётливо почувствовал, как капля, упавшая ему на шею, стекла по позвоночнику.

Одна слеза — как нож.

Упала на шею, а ударила в самое сердце.

Фу Чэн, подражая Линь Цзао, неуверенно поднял свои одеревеневшие руки и обхватил его тонкую талию.

Теперь не только Линь Цзао обнимал его, но и он обнимал Линь Цзао.

Вот оно что.

Так, прижавшись друг к другу, они дышали в унисон, делились теплом, их сердца бились рядом.

Он слышал стук сердца Сяо Цзао, чувствовал его тепло, мог всего его обнять, полностью им обладать.

Неудивительно, что люди так любят обниматься.

Фу Чэн понял.

***

Так они и стояли, крепко обнявшись.

Линь Цзао молчал, Фу Чэн не рычал.

В комнате было тихо, лишь слышались тихие всхлипывания Линь Цзао.

Пока...

— Папа, я поел!

Раздался весёлый голос Линь Сяобао.

— Я всё съел! Ты закончил лечить большого папу? Можно мне зайти посмотреть на вас? Я захожу!

Линь Цзао очнулся и, поспешно отстранившись, вытер слёзы рукавом.

Фу Чэн опустил голову, почувствовав пустоту в руках и в сердце.

Линь Цзао шмыгнул носом и, повернувшись, постарался, чтобы его голос звучал как обычно.

— Ещё нет. У большого папы много ран, я ещё не закончил. Не заходи, лучше помоги мне, хорошо?

— Говори, папа.

Линь Сяобао остановился у входа в кладовку.

Он ухватился за дверной косяк и с любопытством заглядывал внутрь.

Папа и большой папа обнимаются! Он видел!

— Одежда большого папы порвалась, нужно переодеться. Можешь сбежать наверх и принести ему чистую одежду...

Линь Цзао на полуслове осёкся, вспомнив что-то, и поправился:

— Если не хочешь, ничего страшного, я пойду с тобой, мы...

Сяобао сейчас нельзя оставлять одного. Если он пойдёт наверх за одеждой, ему придётся открывать шкаф, он наверняка испугается.

Он забыл.

Но в следующую секунду Линь Сяобао, уперев руки в бока, выпятил свой круглый от еды животик.

— Нет проблем! Папа, жди!

— Но...

Сказав это, Линь Сяобао развернулся и побежал наверх.

Линь Цзао забеспокоился и поспешил за ним.

— Сяобао, не бегай сразу после еды! Живот заболит!

— Я знаю! Не волнуйся, папа!

Ответил Линь Сяобао, не сбавляя шага.

На самом деле ему всё ещё было немного страшно. Страшно комнаты, шкафа, страшно быть одному.

Но... это же папа его попросил!

Папа так устал, он хотел ему помочь.

Поэтому нужно просто бежать очень быстро, чтобы плохие люди не догнали, и всё будет хорошо!

Линь Сяобао, словно маленькая ракета, взлетел наверх и быстро открыл шкаф.

Он не стал выбирать, одежда у большого папы всё равно вся одинаковая — майки, чёрные или серые.

Схватив одежду, Линь Сяобао пулей спустился вниз.

Линь Цзао ждал его. Он потрогал его животик:

— Я же говорил тебе не бегать. Живот заболит.

— Не заболит! — уверенно ответил Линь Сяобао. — Совсем не болит!

— В следующий раз не делай так, — Линь Цзао взял у него одежду. — Постой, отдохни.

— А можно мне помочь?

— Хм... — Линь Цзао посмотрел на Линь Сяобао, потом на Фу Чэна, подумал и кивнул. — Можно, но... не подходи к большому папе слишком близко.

— Почему?

— Потому что... я буду осматривать его раны, а если ты будешь стоять слишком близко, то заслонишь свет, и я ничего не увижу.

— Ладно.

Ему и так было достаточно того, что можно было остаться!

Дверь в кладовку была широко открыта.

Линь Цзао положил окровавленное полотенце в воду, прополоскал его и продолжил протирать раны Фу Чэна.

Линь Сяобао с лекарствами и бинтами послушно стоял у двери и, наклонив голову, внимательно наблюдал.

В этот момент Фу Чэн поднял голову.

Их взгляды встретились.

Линь Сяобао моргнул, его лицо было полно сочувствия.

«Большой папа так сильно ранен, бедняжка».

Фу Чэн нахмурился и заурчал.

«Что такое? Почему ты плачешь? Со мной всё в порядке».

Сяо Цзао и Сяобао были рядом, заботились о нём, согревали его своим теплом.

Остатки человеческого сознания подсказывали Фу Чэну, что эта сцена ему знакома.

Ему было не только тепло, но и...

Приятно!

Он — глава семьи, а жена и сын рядом, заботятся о нём!

Это было так приятно!

Тем временем Линь Цзао, поддерживая его за плечо, наклонился и легонько протирает его грудь.

Протерев два раза, он взял ватный тампон, смочил его в спирте и принялся чистить раны.

В раны попала грязь, пыль, ржавчина, всё это нужно было вычистить.

Чистка ран — дело долгое и кропотливое.

Линь Цзао сидел на кровати и, сантиметр за сантиметром, аккуратно и медленно чистил раны.

Фу Чэн не чувствовал боли. Он то смотрел на сосредоточенное лицо Линь Цзао, то на обеспокоенное лицо Линь Сяобао, и его сердце наполнялось теплом.

Как хорошо.

Линь Цзао возился с ранами Фу Чэна целых два часа.

Только на огромную рану на груди ушёл час.

Очистив рану, он осторожно посыпал её порошком и аккуратно перевязал бинтом.

Вот теперь всё.

Воспользовавшись случаем, Линь Цзао осмотрел и старые раны на его руке, оставленные зомби.

Три царапины полностью зажили.

Остались лишь три бледных шрама.

Это означало, что «Юньнань Байяо» действует и на зомби.

Если хорошо ухаживать, зомби тоже могут поправиться.

Для их семьи это была, несомненно, хорошая новость.

Линь Цзао успокоился и, завязав на груди Фу Чэна бантик, поднял голову, посмотрел на него и ласково улыбнулся.

— Чэн-гэ, всё, будь осторожен, не задевай. Уже поздно, мы с Сяобао пойдём мыться и спать. И ты тоже ложись пораньше, завтра я сварю тебе бульон, чтобы ты поправился.

Фу Чэн по-прежнему не понимал человеческой речи, но улыбка Линь Цзао сказала ему больше тысячи слов.

Линь Цзао собрал оставшиеся лекарства и бинты и встал:

— Чэн-гэ, мы пошли.

Он протянул руку Линь Сяобао:

— Сяобао, скажи большому папе «спокойной ночи».

Линь Сяобао взял отца за руку и, выглянув из-за него, сказал:

— Большой папа, спокойной ночи.

Фу Чэн издал горловой звук:

— Хр-р-р.

Будем считать, что это ответ.

Линь Цзао повёл Линь Сяобао к выходу.

Фу Чэн поднял голову и, сверкая красными глазами, проводил их взглядом.

Свет погас, дверь закрылась.

За маленьким окном погас свет и в гараже.

Вслед за этим послышались знакомые шаги — Линь Цзао и Линь Сяобао поднимались наверх.

Фу Чэн ещё пару раз заурчал, но спать не пошёл. Он подошёл к стене и провёл рукой по буквам.

Продолжать учиться говорить.

***

Тем временем Линь Цзао с сыном поднялись наверх.

Они, как обычно, по очереди приняли душ и переоделись в пижамы.

Но Линь Сяобао только что пережил сильный испуг, и ему наверняка всё ещё было страшно.

Линь Цзао не хотел укладывать его спать в таком состоянии.

Если ребёнок засыпает в страхе, это может отложиться в его подсознании, превратиться в кошмары, которые будут преследовать его до самой взрослой жизни, и нанести вред его психике.

Нужно было дождаться, пока он всё забудет, и только потом укладывать спать.

Поэтому Линь Цзао взял Линь Сяобао за руку, пытаясь придумать, чем бы его занять.

— Придумал!

Линь Цзао подошёл к столу и взял «Дневник роста салата-латука» Линь Сяобао.

— Сяобао, ты, кажется, уже несколько дней не рисовал свой салат?

— В последнее время было так много дел, — почесал голову Линь Сяобао.

— Ничего, я порисую с тобой.

— Ты тоже будешь рисовать салат?

— Я буду рисовать большого папу.

Линь Цзао, улыбаясь, протянул ему календарь и взял свой конспект.

— Пойдём, порисуем вместе.

— Хорошо!

Они спустились на второй этаж.

Линь Сяобао с календарём и мелками устроился перед несколькими бутылками из-под напитков и принялся увлечённо рисовать.

Линь Цзао сел за обеденный стол, открыл конспект и, взяв ручку, начал делать записи.

«27 февраля 3000 года.

Вторжение. В критический момент появился Фу Чэн и спас ситуацию.

Одной рукой схватил врага за голову, оставив вмятину, сила огромна. Подчиняется моим командам, предположительно, сохранил человеческое сознание.

Ранен при попытке выбраться через окно, рука... плечо... грудь...

Обработал и перевязал раны. По наблюдениям, предыдущие раны от укуса зомби зажили...»

Линь Цзао писал и вдруг нахмурился, что-то вспомнив.

Что-то не так!

Зомби, другие зомби!

Обычно стоило ему пару раз крикнуть, как другие зомби тут же приковыливали на звук.

Но на этот раз они с грабителями шумели почти полчаса, а ни один зомби не появился!

Как так?

Разве они не самые чувствительные к звуку?

Разве они не приходят на любой шум?

Линь Цзао, нахмурившись, отложил ручку, подошёл к заднему окну гостиной и выглянул наружу.

Раньше стоило ему на минуту отвлечься, как зомби тут же приходили к Чэн-гэ.

Они кружили под вентилятором, ходили туда-сюда.

Но сегодня их не было.

Они решили, что Чэн-гэ их игнорирует, и им стало неинтересно, или...

Они испугались? Они боятся Чэн-гэ?

Они понимают его слова, и он приказал им не приходить, поэтому они не пришли?

Обычно зомби не сохраняют человеческое сознание.

Но Чэн-гэ явно был в сознании. Он ел, одевался.

Он узнавал его и Сяобао, понимал его жесты, слушал его слова и в критический момент защитил его.

Очевидно, Чэн-гэ не был обычным ходячим мертвецом.

Значит...

Чэн-гэ мутировал? Он — особенный зомби?

Глаза Линь Цзао загорелись. Он подбежал к столу и перелистал несколько тонких страниц.

Может, если он будет и дальше так заботиться о Чэн-гэ, ему станет лучше?

Да! Точно